

Н.Е. Хагурова

Парадоксы гуманизации воспитания в современной культуре

В статье анализируются негативные последствия и побочные эффекты излишней гуманизации и либерализации современного воспитания — как социального явления, имеющего общегосударственное значение. А также обосновывается необходимость частичного возвращения к традиционным — в том числе, директивным — методам воспитания.

Ключевые слова: мир детства, гуманизация воспитания, детские права и обязанности, последствия либерального воспитания, утрата родительского авторитета.

Считается, что мир детства выделяется из мира взрослых и становится объектом их, взрослых, пристального внимания в эпоху Просвещения, под влиянием философов-просветителей. До этого детство представлялось состоянием несовершеннолетним, и его требовалось пройти как можно скорее. Это хорошо иллюстрируют народные сказки, где герой чудесным образом растет не по дням, а по часам.

Для современных родителей это было бы ужасно. Возможно, что такая установка на короткое детство связана с характером экономики в традиционном обществе и с высоким уровнем детской смертности. Рано взрослеть приходилось и простым людям, и членам правящих династий. Можно вспомнить князя Святослава, которого в шесть (!) лет сажают на лошадь и выводят на поле брани, чтобы ритуально начать бой. И он, несмотря на то, что «бо вельми детеск», смог «сунуть» копьём между ушами коня.

Можно взглянуть на картины Веласкеса, изображающие детей королевской семьи, больше похожих на маленьких взрослых. Или вспомнить, когда «становятся в Вероне матерями».

Признание за ребенком права на детские интересы, детскую комнату, одежду, детское чтение появляется к восемнадцатому веку. Тогда под влиянием Руссо в культуру входит представление о том, что ребенок — это и есть нормальный человек [3]. Очевидно, что с тех пор процесс воспитания стал намного более мягким. Экономические реалии увеличили срок обучения, а сегодня заговорили о непрерывном образовании.

Увеличился срок зависимости от родителей и требования к ним со стороны общества — как формальные, так и неформальные. Иерархические переходы — инициации, существовавшие во всех культурах и символично разграничивающие состояние ребенка от взрослого, исчезли, стерлись или носят деструктивный характер.

Хагурова Наталья Евгеньевна — кандидат социологических наук, Краснодар.

К сохранившимся практикам инициаций сегодня можно отнести сдачу выпускных школьных экзаменов — ГИА и ЕГЭ — и получение профессионального образования. Но в общественном сознании школьные экзамены тесно связаны с усилиями родителей, нанимающих репетиторов, профессиональное образование по преимуществу платное, что опять требует родительских усилий. И даже успешное его получение не гарантирует трудоустройства.

Деформировались иерархические отношения «взрослый — ребенок». Сегодня родители, учителя, да и вообще старшие уже не являются для детей непререкаемым авторитетом. По данным исследований, проведенных учёными Института социологии РАН в Краснодарском крае в 2013 году (выборка 1928 чел.), для 55% «благополучных» (обычных учеников школ) и 45% «трудных» (состоящих на учёте в органах профилактики) подростков Краснодарского края родители — авторитетные люди, к мнению которых они прислушиваются. Учителей такими людьми считают 13,1% «обычных» и 7,4% «трудных» подростков. В целом в оценках подростками своих семей преобладают положительные характеристики, но их суммарный процент невелик. Для 61,5% «обычных» и для 44,9% «трудных» детей семья — «это самые родные люди на земле». Семью как «достойных, авторитетных людей, с мнением которых я считаю» обозначили 43,1% «обычных» и только 30,4% «трудных» подростков. Как источник знаний о мире и жизни семью воспринимают лишь 10,5% «обычных» и 9,2% «трудных» ребят. Ситуация с уважением к учителям тоже неблагоприятна. Только 43% «обычных» и 28,8% «трудных» подростков считают учителей честными и порядочными. Уважаемыми и серьезными людьми учителей назвали 40,1% «обычных» и 26,3% «трудных» подростков [8].

Таким образом, менее половины детей испытывают уважение к взрослым и редко считают их источником знаний. Налицо деформация детско-взрослых отношений в сторону разрушения традиционной иерархии. А ведь именно родители и учителя составляют повседневный круг общения ребенка с реальными взрослыми. Дети, даже испытывая привязанность к родителям, не чувствуют «вертикали» отношений.

Добавим, что иерархия является одной из базовых культурных универсалий. Разрушение вертикали отношений провоцируется целым рядом факторов, в числе которых огромную роль играет снижение требовательности к детям и распространение партнерского стиля воспитания. Проникновение в семейные отношения настроений потребительской культуры, эксплуатирующей индивидуализм и гедонизм, культура молодости и детскости заставляет взрослых соответствовать стереотипам молодости и «продвинутости». Эти изменения в культуре деформируют процесс взросления, затормаживая наступление взрослости.

Поясним, что под взрослением мы понимаем процесс возрастания автономности и ответственности

личности, протекающий во взаимодействии со значимыми другими и сопровождающийся иерархическими переходами [3].

Результатом деформаций взросления становится растущая инфантильность молодого поколения, вызывающая тревогу у родителей и специалистов. Один из аспектов этой проблемы заключается в том, что **мужская инфантильность** проявляется ярче и выглядит еще более нелепо, чем женская.

Те, кто работает с детьми и молодежью — от воспитателей детских садов до вузовских преподавателей, — с уверенностью скажут, что девочки вырываются вперед по успеваемости. Наш средний сын посещал логопедический детский сад, и на утренниках проблемой была нехватка девочек для парных танцев. Из четырнадцати человек одиннадцать были мальчики. Каждый родитель, бывавший на школьных собраниях, знает, что если обсуждаются проблемы — это про ребят, если успехи — это про девочек. Девочки лучше учатся и легче находят работу. Формируется новый матриархат?

Одной из причин растущей инфантильности, конечно, является семейное воспитание, акценты в котором сегодня расставляют уже не семейные традиции, а СМИ. Под влиянием СМИ, транслирующих огромное количество обрывков научных теорий, высказываний психологов, репортажей о правах детей, советов по воспитанию и т. п., складывается мнение, что родителем сегодня быть очень тяжело и не обойтись без помощи специалистов.

Э. Тоффлер, прогнозируя будущее семьи, писал, что во все усложняющейся социальной реальности появится институт профессионального приемного родительства, так как настоящие обычные родители будут, якобы, неспособны к воспитанию [3]. Отечественные практикующие детские психологи И. Медведева и Т. Шишова пишут: «Сколько родителей уже удалось убедить в том, что они равным счетом ничего не смыслят в собственных детях, не умеют их ни воспитывать, ни даже любить и должны руководствоваться исключительно советами специалистов» [3].

Да, сегодня молодые мамы «сидят» в интернете на тематических сайтах, в группах, на форумах, где вовсю раздают советы, подчас сомнительного авторства, о секретах воспитания. Конечно, есть там и полезная информация. Но многое из этого контента направлено именно на то самое **смягчение воспитания**, о котором мы говорим.

Родителям внушают: осторожно, не вздумайте давить на ребенка! Это недопустимо! Вот один из таких советов (в одной из родительских групп в ВКонтakte): «Если ваш малыш не умеет за себя постоять в сложных ситуациях, значит, вы отчитывали его прилюдно. Этого нельзя делать даже при родных братьях и сестрах». То есть, если ребенок набедокурил, не вздумайте ругать его сразу, а дождитесь, когда останетесь наедине. Ничего, что он, возможно, уже с тру-

дом вспомнит, о чем речь? А как быть школьной учительнице? Тоже уединяться с каждым учеником?

Издревле стыд и социальное неодобрение были лучшим средством от дурных поступков. Это один из важнейших механизмов поддержания социальности как таковой [3]. Но сегодня нельзя говорить ребенку, что он поступает плохо. Нельзя зачитывать вслух оценки. Нельзя ставить оценки до начала третьего класса. Нельзя писать в тетрадях школьников красной пастой. Нельзя наказывать.

Русская девушка, уехавшая в Германию, рассказывала, что для того, чтобы хлопнуть немецкого племянника по памперсу, ей приходилось прятаться в подъезд: маленький тиран, изводивший всю семью, слушался только ее.

В нашем отечестве тоже пускает корни **безнаказанность**. Мы наблюдаем это на детских площадках, в магазинах, в школах. Вот сцена из жизни: в детской поликлинике мама, дедушка и двое детей. Пока мама находится в кабинете врача, дети развлекаются Человеком-пауком. Трехлетний мальчик лупит пятилетнюю сестру и кричит, требуя планшет. Дедушка вмешивается и пытается урезонить ребенка, объясняет, что надо делиться с сестрой. Мальчик со злостью бьет и дедушку. Дед реагирует традиционно — хлопает ребенка по мягкому месту. Потом сажает его на колени и говорит, что нельзя бить сестренку и дедушку, он уже большой, нельзя так себя вести. Все это время мальчик истошно и нечленораздельно кричит.

В истории не было бы ничего необычного, если бы не реакция мамы и девочки. Мама фурией вылетела из кабинета и набросилась на деда, не стесняясь в выражениях: «Не трогай его вообще! Пусть делает, что хочет! Он маленький!» Когда дед стал разговаривать с внучкой, говоря, что нельзя мальчику разрешать так себя вести, малышка, уткнувшись в забытый на время братом планшет, равнодушно и вяло ответила: «Ну он же маленький!» Какую жизнь устроит подросший «маленький» маме и сестре, нетрудно представить.

К сожалению, таких примеров масса. Современным детям сложно адекватно оценивать ситуацию, сложно вести себя соответственно. При этом взрослые почти перестали делать им замечания. На улицах, на остановках, в транспорте, даже в коридорах университетов часто можно услышать мат, громкие повествования о вечерних похождениях или музыку не совсем приличного содержания. И редко посторонние люди делают детям, подросткам, молодежи замечания. А ведь еще недавно в русской языковой культуре отчетливо прослеживались традиции общественного воспитания.

Об этом говорили простые и теплые обращения к незнакомым людям, которые сейчас редко услышишь даже от стариков: «сын»», «дочка», — или к старшим «отец», «мать». Стало не принято вслух ругать и своих, и чужих детей. Вырастают, поумнеют, образумятся. Мнение ребенка надо уважать.

Эту моду поддерживают и популяризаторы «науки». Например, психологи Алексей и Марина Афанасьевы в книге «Вырасти — не значит повзрослеть, или Почему мужчины боятся драться, а женщины рожать», адресованной широкому кругу читателей, не обошлись без сетований на родительскую диктатуру и без требований подростковой свободы: «Дорогие дети, когда вы решаете, кем стать в жизни, не слушайте советов — ни своих родителей, ни кого-то еще. Слушайте только себя... Помните, в этой борьбе цель оправдывает средства» [3]. Еще одна причина молчания взрослых — страх. Взрослые стали бояться подростков, а вот подростки и даже дети боятся взрослых все меньше.

Современным родителям сложно найти подкрепление идеи Ф. Бэкона: «Природа побеждается подчинением», — а вот рассуждений о свободе выбора, недопустимости запретов сколько угодно. На детском телеканале «Карусель» недавно транслировали ролик, информирующий детей о телефоне доверия. Малыш лет пяти–шести, одетый в костюм пирата, захотел собаку. Голос за кадром: «Даже настоящему пирату нужна собака», — и далее идет сообщение о телефоне доверия для детей. Посыл для родителей — нельзя отказывать ребенку.

На смягчение воспитания обращают внимание и серьезные ученые. М. Дж. Пенн и К. Э. Залесн пишут о том, что даже если американские родители позиционируют себя как строгие, они лишь считают себя требовательными: «Сегодня в Америке по сравнению с прошлым поколением почти все родители снисходительно относятся к своим детям, несмотря на свое самовосприятие как «крутых» мам и пап. Когда речь заходит о вседозволенности, то сегодняшние родители находят, так сказать, «в состоянии отказа»».

Авторы провели исследование, задавая родителям вопросы: «Как бы вы поступили, если бы ваш девятилетний ребенок ругался с вами и говорил, что ненавидит вас?» и «Представьте, что у вас пятнадцатилетний сын или дочь, и вы узнали, что они пробуют наркотики. Какова была бы ваша первая реакция?» И в первом, и во втором случае самой популярной реакцией оказался «разговор по душам». В первом случае только 14% родителей признались, что шлепнули бы ребенка, а среди тех, кто моложе 35 лет, таких оказалось в половину меньше. Во втором случае только 15% лишили бы ребенка удовольствий на время (менее одной из десяти мам сделали бы это по отношению к сыну), и практически никто не ударил бы ребенка.

Результатом такой вседозволенности становится, как минимум, увеличение количества тюремных заключений и снижение успеваемости американских школьников по сравнению с азиатскими странами [2]. Особенно это касается точных наук. В 2001 году комиссия по национальной безопасности признала, что вторая по значимости угроза Америке (после терроризма) — недостаток специалистов по математике и естественным наукам [2].

Можно предположить, что и в современной России в настоящее время преобладает попустительский (либеральный) тип семейного воспитания (по типологии Д. Боумрида) либо хаотический. При первом стиле воспитания ребенок практически не знает запретов и ограничений или не выполняет их, а для родителей характерно неумение, неспособность или нежелание руководить детьми. Подростки из таких семей конфликтуют с теми, кто не потакает им, не способны учитывать интересы других, не могут устанавливать прочные эмоциональные связи, не готовы к ограничениям и ответственности. Недостаток руководства родителей воспринимается ими как проявление равнодушия, и такие дети чувствуют страх и неуверенность. У ребенка не формируются психологические механизмы, необходимые для самостоятельного и ответственного поведения.

При хаотическом стиле семейного воспитания отсутствует единый подход к воспитанию. Управление колеблется от авторитарного к демократичному и либеральному стилям. При этом фрустрируется одна из базовых потребностей личности — потребность в упорядоченности окружающего мира, наличии четких ориентиров в поведении и оценках. Это вызывает повышенную тревожность, неуверенность, импульсивность, а также агрессивность, неуправляемость и социальную дезадаптацию [2].

Еще одной серьезной проблемой воспитания можно назвать перевес роли женщины. Как правило, сегодняшняя семья либо нуклеарная, либо родители в ней представлены одной мамой. Любые семьи — детоцентричны, родители в них редко строят отношения по принципу «дети вырастут и уйдут, а нам друг с другом жить». Современный принцип семей, живущих в не слишком устойчивых браках, скорее похож на «мужчины приходят и уходят, а дети остаются». Женщины играют первую скрипку в воспитании в семье и в образовании вплоть до периода получения профессионального образования.

Действительно, дети — это традиционно женское занятие. И в традиционных обществах мужчины, как правило, не занимались маленькими детьми. У адыгов, например, среди отцов не принято брать малыша на руки прилюдно. Но дети, конечно, сейчас речь идет о мальчиках, довольно рано подключались к занятиям отца, будь то хозяйство, охота или военное дело. Сегодня деятельность отца далеко не всегда понятна ребенку. Да и кроме отца у детей в расширенных семьях были и другие модели мужского поведения: дедушки, братья, дяди, соседи, наконец.

Сегодня мама занимается ребенком гораздо дольше его раннего детства. Именно мамы, за редким исключением, ходят на родительские собрания, мамы делают с ребенком уроки и контролируют его. На протяжении всех школьных лет почти все учителя — женщины. Одна учительница начальных классов искренне возмущалась тому, что мальчики бегают (о, ужас!) на переменах. Мамы по вечерам переписываются в

социальных сетях, обсуждая школьные дела своих детей и домашнее задание.

Позволим себе лирическое отступление, хорошо иллюстрирующее разницу между мужским и женским стилем воспитания: на морском берегу наш младший двухлетний сын попросил налить водички в ведерко. Первая реакция мамы — побежать и принести воды. Папа невозмутимо предлагает малышу пойти и набрать воду из моря самому. Ребенок, слегка озадаченный, идет и набирает воду. А папа тихо идет следом, чтобы помочь, если нужно. Так человек осваивает новый для него вид деятельности. Но... мам так и тянет помочь, посадить, отряхнуть, написать самой, защитить, спрятать под крыло. И если влияние излишне снисходительной или властной мамы не разбавлено активным участием отца, то в характере ребенка формируются черты беспомощности, внушаемости, зависимости от окружающих [2].

Отсутствие или недостаток мужских ролевых моделей заставляет ребенка черпать модели мужского поведения из средств массовой информации. Конечно, нельзя огульно обвинять СМИ, в том числе и современный кинематограф, в отсутствии положительной героики. Например, сегодня, следуя положительному примеру президента России, среди политиков принято вести физически активный образ жизни, заниматься спортом. Есть прекрасные фильмы, демонстрирующие истинно мужское поведение и ориентацию мужчины на семью (например, американский фильм «Нокдаун», снятый по реальным событиям). Есть современные российские фильмы о войне, адресованные именно молодежи и ставящие перед ними вопрос «А смогли бы мы так, как наши прадеды?» («Туман», «Мы из будущего»). Тем не менее, основное содержание фильмов и телешоу эксплуатирует темы «расслабухи», секса, насилия и нездоровой конкуренции (например, телешоу каналов СТС и ТНТ «Холостяк», «Дом-2»).

Известный американский ученый Ф. Зимбардо, комментируя американское телевидение, пишет: «Мы убеждены, что следует приглашать на телепрограммы побольше мужчин с трехзначным показателем IQ. Но вместо этого экран пестрит тупицами с умом ниже пояса, детективами-придурками, одержимыми поварами, вампирами, бабниками или жирняками с ослепительными блондинками» [2].

Что касается продукции для мальчиков более раннего возраста, то здесь, помимо новых отечественных мультфильмов студии «Мельница», переработавших сюжеты о былинных богатырях и носящих скорее комический, чем героический характер, на телеэкране преобладают мультсериалы типа «Трансформеров», «Тобота» или «Египтуса». Даже положительные герои, олицетворяющие борьбу со злом, в них фантастически жуткие. К тому же, такие мультфильмы, как правило, имеют аналог — компьютерные игры. Пристрастившись к таким мультфильмам, ребенок легко может попасть в зависимость от компьютерных игр.

О «гуманности» такого искусства, на наш взгляд, хорошо расскажет история, написанная мамой пятилетнего малыша на сайте газеты «Моя семья». Ребенка попросили рассказать сказку про Колобка. Дойдя до момента, когда заяц собирается съесть Колобка, малыш начал импровизировать: «Не съешь ты меня, проклятая зайчара! Локтевое ускорение, Колобок трансформировался и обглодал зайцу лицо!» Та же участь постигла всех остальных героев.

Характерно, что читательница газеты, рассказавшая эту историю, воспринимала её исключительно с юмором, не видя тут никакого повода для серьезной тревоги. Между тем, этот пример отражает довольно страшную вещь — дегуманизацию сказки, что влечет серьезные последствия для общества в целом. Дети, не верящие в сказку, превращаются во взрослых, не верящих в ценности.

К тому же, современные мультсериалы слишком четко разделены на мальчиковые и девчачьи. Это увеличивает взаимонепонимание между мальчиками и девочками в будущем, приучая их с детства игнорировать и презирать интересы другого пола. Картины мира мальчиков и девочек разделяются уже на старте: мир мальчиков представляется как мир насилия, фантастических войнушек и механизмов, мир девочек — как сплошные пустые вечеринки, наряды и шопинг.

Для того чтобы это усвоить, не обязательно смотреть мультфильмы — достаточно рекламы и анонсов. По мере взросления детям сложно будет находить общий язык, обретать реальные привязанности в реальном мире и разрушать сложившиеся гендерные стереотипы. Особенно если они испытывают дефицит реальных моделей.

Известный психолог Э. Эриксон писал, что уже в детстве, на игровой стадии (4–7 лет), формируется так называемый родительский набор, поддерживающий и усиливающий самоконтроль и самоуправление. Формированию моральной ответственности способствует получение представлений об институтах и ролях. Ребенок стремится извлекать пользу из своих учителей и подражать идеальным прототипам. Поэтому детям этого возраста общество предлагает экономический этос в образе идеальных взрослых. В этом возрасте задается направление возможному и реальному, которое позволяет связать детские мечты с целями активной взрослой жизни [2].

Таким образом, при отсутствии реальных моделей поведения в семье и ближайшем окружении ребенку ничего не остается, как черпать образы идеальных взрослых с телеэкрана и монитора компьютера. То, что предлагают детям СМИ, скорее всего, вызовет искажение представлений о гендерных ролях и своего, и противоположного пола.

Из искусства для детей сегодня практически вытеснена тема семьи, фигуры отцов, матерей, бабушек и дедушек представлены очень слабо. Мультфильмы для мальчиков изображают битвы механизмов, супер-

героев, обладающих сверхспособностями, а для девочек — нескончаемые волшебные миры, где обитают роскошные красотки в мини-юбках, основные занятия которых колдовство и вечеринки. Даже для ребенка из благополучной полной семьи небезопасно увлечение подобной продукцией.

Исследуя проблемы современных мужчин, Зимбардо пишет об испытываемом современными детьми и подростками дефиците мужского влияния. Безотцовщина, развод, гражданские браки негативно влияют на всех детей, но на мальчиков особенно. Одним из последствий безотцовщины является рассеянное внимание и перепады в настроении. У детей из таких семей вероятность приема лекарств от синдрома дефицита внимания и гиперактивности выше на 54%.

Дети сожительствующих родителей с удвоенной вероятностью могут пристраститься к наркотикам, бросить учебу или впасть в депрессию. У 41% сожительствующих пар взрослые дети продолжают жить с родителями и за их счет. Среди одиноких матерей этот показатель вырастает до 91% [3].

Зимбардо приводит данные лонгитюдного исследования, известного как эксперимент Гранта, начавшегося в 1966 году. Автора исследования психиатра Джорджа Вейлланта интересовало, как влияют природные данные и воспитание на физическое и психическое развитие юноши. Вейллант подчеркивает важность спокойной домашней атмосферы, душевного тепла и любви для формирования уверенности в собственных силах, инициативности и самостоятельности. Иными словами, больше, чем интеллектуальное развитие или материальное благосостояние семьи, на умение ребенка ощущать радость от жизни в целом влияет теплая семейная атмосфера, а главное — дружба с отцом. Они же формируют в будущем устойчивое социальное положение, способность найти любимую работу.

Самыми серьезными проблемами современных молодых людей Зимбардо считает нежелание или неспособность принятия роли взрослого мужчины, полной меры ответственности, их нежелание иметь семью, стать отцами. Кроме того, цифровые технологии и отсутствие навыков вдумчивого чтения делают внимание рассеянным, препятствуют развитию глубоких эмоций. Это тормозит создание устойчивых эмоциональных связей.

Заменой серьезных отношений становятся компьютерные игры и чрезмерное увлечение порнографией. Рассеянное внимание, неспособность сосредоточиться — становятся причиной плохой успеваемости. Молодые люди не хотят работать, ставить перед собой цели и добиваться их. Подобные проблемы частично свойственны и девушкам, но у них, по мнению Зимбардо, они выражены не столь ярко и массово [2].

Проблема чрезмерной феминизации воспитания начала обращать на себя внимание телевидения. В последние пару лет в рекламных роликах, изображающих сцены с детьми, появляются папы. Папы тоже

умеют и любят общаться с детьми, они ловко кормят малышей, вместе пьют детский сок и собираются на родительское собрание.

Российский кинематограф откликнулся на проблему замечательным семейным фильмом режиссера А. Войтинского «Призрак». Герой фильма Ваня живет с гиперзоботливой и властной мамой. Он заикается, плохо учится, над ним смеются одноклассники. Призрак погибшего летчика-испытателя, с которым Ваня входит в контакт, за несколько дней меняет мальчика, превращая его из маменькиного сынка в мужчину.

Современная система воспитания, обучения, пространственное семейное неблагополучие, влияние СМИ, электронных технологий и экономической ситуации тормозят собственную активность детей, направленную на взросление. По мнению исследователя детства М.В. Осориной, успешная социализация зависит от:

- взрослой культуры (норм и ценностей), представленной, в первую очередь, значимыми взрослыми;
- личных усилий самого ребенка, проявляющихся в разных видах его интеллектуально-творческой деятельности;
- детской субкультуры, традиции которой передаются из поколения в поколение, чрезвычайно важной для понимания того, как освоить мир вокруг [5].

По всем трем перечисленным принципам успешной социализации наблюдается явное неблагополучие. Взрослый мир хаотичен, калейдоскопичен, полон соблазнов и опасностей. Тексты — словесные, избирательные или поведенческие — часто не проясняют картину мира, а дают искаженное представление о социальных ролях и взрослости.

Экранная взрослость представлена скорее как беззаботная молодость, дальше которой жизнь не идет. Взрослые предлагают ребенку огромное количество развлечений: игрушки, сладости, нескончаемые мультфильмы, гаджеты (уже с трехлетнего возраста), детские праздники, аниматоры, даже специализированные парикмахерские и автобусы. Все это должно привести ребенка к мысли о своем исключительном положении. Даже на завтрак детям реклама предлагает бисквитных медведей, молочные ломтики или шоколадные шарики. Такое ощущение, что основная задача взрослых — обслуживать и развлекать.

С другой стороны — современные дети лишены той свободы, которая была у предыдущих поколений. В школах и детских садах видеокамеры, охрана; на улице одному нельзя. Дети редко ходят друг к другу в гости просто так, не на день рождения. Да и некогда — надо учить уроки, которые у детей, не привыкших к концентрации внимания, непомерно растягиваются во времени.

Еще поколение их родителей могло свободно носиться детскими стайками по окрестным дворам и вместе делать уроки у кого-то дома. Они стирали двойки и тройки в дневниках и тайком чинили разо-

рванные штаны. Они побаивались взрослых. Они копили мелочь на возжеленную игрушку и собирали макулатуру, заходя в квартиры незнакомых людей.

Так они учились строить отношения, заводить прочные эмоциональные связи по горизонтали, помогать, искать помощи среди своих и отвечать за поступки. И никому из родителей не приходило в голову развлекать детей на детском празднике. Эти дети не знали, что такое скука, если только ты не болен и не лежишь в кровати.

Сегодня родителям страшно за детей. Они боятся маньяков, киднеппинга, плохой компании, наркотиков и ЕГЭ. Боятся не так воспитать, не так накормить, не дать должного уровня материального достатка. Боятся отправлять в армию, «отмазывают» от полиции. Боятся ругать, заставлять, ограничивать. А вдруг исчезнет доверие? Вдруг ребенок замкнется? Вдруг я не буду для него хорошей мамой или добрым папой?

А ведь, не ограничивая ребенка, не ставя перед ним посильных задач, мы сомневаемся в его способностях. Наверное, многим знакома ситуация, когда в семье двое детей и один учится ни шатко, ни валко, а другой на пятерки. На одного махнули рукой, а другого пиллят за четверки и невымытую посуду.

Известный режиссер и актер Никита Михалков рассказывал о своем детстве в передаче «Сто вопросов к взрослому». Его не менее знаменитый отец Сергей Михалков поддерживал в семье интересную традицию: для того чтобы дети получили торт или пирожные, надо было развязать без помощи ножниц джутовые веревочки на коробке. Если не получалось, сладкого детям не полагалось. И действительно не давали.

Страх за детей — ложный или обоснованный — и деформированные представления о родительском долге приводят родителей к готовности защищать и опекать. А поскольку в воспитании существует перекос в сторону мамы, о котором мы говорили выше, то у мам возникает некий комплекс Ракши, волчицы из истории о Маугли, готовой защищать детенышей от реальных или воображаемых Шерханов.

И это одна из причин нивелирования второго принципа успешной социализации — личных усилий самого ребенка. Мамы читают в интернете грустные истории кающихся матерей тридцатилетних неудачников о том, как они в детстве ставили деточку в угол или отчитывали за разбитую чашку. И этим подавили его личность. Мамы ругаются с «никчемными» педиатрами. А школа? Школа нередко становится аренной битвы.

Мамы сетуют на сложность программы, задают вопросы «А почему Саше поставили 3?», «А почему у Леша синяк?», «А почему Машу не взяли на олимпиаду?». Они объясняют то, что дети прогуливают уроки, тем, что им неинтересно. Они не верят рассказам о хулиганстве или воровстве их детей, утверждая, что их дети не могли такого сделать. Они объясняют пло-

хия оценки системой образования, придирками или педагогической непригодностью учителей (хотя и такое бывает), но никак не тем, что их ребенок плохо выучил урок.

Они таскают за детьми школьные рюкзаки и на единственное свободное место в трамвае сажают своего сына. На собраниях они долго и говорливо решают, чем бы порадовать деток на праздники 8 марта и 23 февраля. Они создают группы в WhatsApp и спрашивают друг у друга, что задали детям. В результате половина детей просто перестают записывать домашнее задание. Такие родители намного больше переживают за школьные дела своих детей, чем сами дети.

С другой стороны, школьная программа, особенно в начальной школе, организована таким образом, что часто не обходится без помощи родителей. Особенно это касается увлечения презентациями, проектами и олимпиадами. В олимпиадах на платной основе должны участвовать все ученики. Вопросы почти полностью не касаются школьной программы и отсылают подневольных участников к самому доступному ресурсу — Интернету. Проекты — тоже задание для родителей.

Разве может средний восьмилетний ребенок провести исследование, да еще и свободно оперируя понятиями «предмет», «объект», «цели», «задачи»? Без родителей не обойтись. Школьные учителя и те, кто работает с детьми и подростками, за неуспехи детей тоже винят родителей, утверждая, что детьми не занимаются.

И мамы с удвоенной энергией садятся за уроки. Эриксон подчеркивал важность латентной стадии — решающей в социальном отношении, так как на этой стадии должно развиваться трудолюбие, способность к полноценному сотрудничеству, осознание ответственности за то, что будет делать индивид, и стремление научиться этому. Латентная стадия соответствует 6–12 годам [12].

Таким образом, сегодня деформированы все принципы успешной социализации:

- искажены представления о взрослости и социальных ролях и самими взрослыми, и посредством СМИ (телевидение, интернет, фильмы, мультфильмы);
- преобладающий стиль воспитания, неблагоприятное семейной ситуации, а также система школьного обучения и общественная мораль препятствуют проявлению личных усилий ребенка, формированию у него ответственности и автономности как условий нормального взросления;
- происходит разрушение специфической детской субкультуры в условиях растущего влияния электронных технологий, индивидуализации и обеспокоенности за жизнь, здоровье и безопасность детей, подростков и молодежи.

Подобные проблемы носят международный характер. В современном Китае, например, малодетность

привела к появлению феномена «маленького императора». Родители настолько опекают единственного ребенка, особенно если это мальчик, что разбивают палаточные городки на территории университетов, когда их дети сдают вступительные экзамены.

В США так называемые «родители-вертолеты» стремятся контролировать каждый шаг своего ребенка. Тем самым они лишают его возможности развиваться самостоятельно и ставить собственные цели, поскольку за него это делают родители [10].

Профессор юридической школы Йельского университета китайка Эми Чуа, описывая свой основанный на старых китайских традициях опыт воспитания детей, предложила термины-антонимы «китайская мать» и «западные родители». Она пояснила, что это обобщающие термины: «Недавно я встретила суперуспешного белого парня из Южной Дакоты (вы могли его видеть по телевизору), и, поделившись друг с другом воспоминаниями, мы пришли к выводу, что его отец-рабочий определенно был «китайской матерью». Я знаю нескольких родителей из Кореи, Индии, Ямайки, Ирландии и Ганы, которых тоже можно так назвать. И наоборот, мне знакомы китайки, обычно родившиеся на Западе, которых «китайскими мамами» не назовешь» [10].

«Западные родители», включая все разновидности «западного», то есть либерального стиля воспитания, обычно даже не приближаются в строгости к «китайским матерям». Они считают, что «успехи в учебе, достигаемые с помощью давления, не идут на пользу детям» и «родители должны внушить детям мысль, что учеба — это весело».

«Китайская мать» считает, что первый час занятий академической музыкой — это ерунда. Она соглашается с утверждениями, что «достижения в учебе — это показатель хорошего воспитания» и что если их дети не выделяются в школе, то «родители просто не справились со своими обязанностями». В отличие от помешанных на футболе «западных родителей», «китайская мать» верит, что:

- 1) уроки всегда на первом месте;
- 2) «пять с минусом» — плохая оценка;
- 3) в математике ее дети должны на две головы опережать одноклассников;
- 4) ей не пристало хвалить детей на публике;
- 5) если ее ребенок не согласен с учителем или тренером, она неизменно должна становиться на сторону учителя или тренера;
- 6) единственное внеклассное занятие, которым позволено заниматься ее детям, должно привести их к медали;
- 7) эта медаль должна быть золотой.

Китайские родители считают, что для того чтобы чего-то достичь, нужно много и тяжело работать, чего дети обычно не хотят, и потому важно не принимать во внимание их желания. Это требует от родителей

силы духа, потому что дети сопротивляются. Вначале ведь всегда тяжело, и в этот момент ломаются «западники». Но если все делать правильно, такая стратегия образует круг добродетели [10].

Не нужны никакие социологические опросы, чтобы определить, к какому из двух этих стилей воспитания тяготеют современные российские родители. В нашем отечестве для балованного ребенка прижились названия «маменькин сынок» и «золотое яйцо». И, кажется, их популяция растет. Надо сказать, что идеи самовлюбленности, индивидуализма, эгоцентризма под девизами «Будь собой!», «Ты этого достойна» и др. уже дают свои плоды.

Недавно на пике популярности оказалась не совсем приличная песня и видеоклип группы «Ленинград» — «На лабутенах». Его героиня, туповатая, плохо образованная и пошлая девица, желает пробраться на верхушку социальной лестницы, удачно «выскочив замуж» за «крутого» и успешного парня [3]. Ее девиз «На выставке Ван Гога я главный экспонат» становится близок многим молодым людям обоего пола.

Завышенная самооценка, низкий уровень общей культуры, ложное чувство компетентности, возвращенное интернетом, неумение сосредоточиться, отсутствие авторитетов и размытая картина мира — вот портрет такого молодого человека или девушки.

Становясь родителями, они будут требовать от окружающих отношения к своему ребенку тоже как к «главному экспонату». Может ли позволить себе подобное наша страна? Не диктует ли экономическая, политическая и, наконец, духовная ситуация требований не допустить скатывания в пропасть инфантильности и эгоцентризма?

В нашей стране имеется замечательный опыт (как советский, так и дореволюционный) возвращения молодого поколения, которое бы смогло стать не просто утешением для родителей, но и оплотом государства. Этот опыт был в значительной мере утрачен в последние два десятилетия.

Сегодня мы наблюдаем на государственном уровне попытки реанимировать проверенные временем подходы к воспитанию. Стало понятно, что гиперлиберализм с его индивидуализмом и приматом «прав личности» способен воспитать «продвинутого» потребителя, но не в состоянии обеспечить воспитание полноценного патриота и гражданина. А в условиях острых политических конфликтов современности это вопрос выживания государства.

Отсюда все высказывания первых лиц государства о патриотизме и традиционных ценностях как ориентирах воспитания. Соответственно, к делу воспитания и обучения следует подходить как к делу государственной важности. И отдавать себе в этом отчет должны и родители, и детские сады и школа, и СМИ. Если в каждой семье не начать битву за возвращение **нормальных** (строгих и ответственных) подходов к воспитанию будущих мужчин (отцов и защитников) и женщин (подруг и матерей), не помогут ни празднования 9 мая, ни введение норм ГТО.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасьев А.В., Афанасьева М.А. Вырасти — не значит повзрослеть, или Почему мужчины боятся драться, а женщины — рожать. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2016. — С. 74.
2. Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: игры, порно и потеря идентичности. — М.: Альпина Паблишер, 2017.
3. Лотман Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). — СПб: Азбука, 2015. — С. 78.
4. Медведева Т.Я., Шишова Т.Л. Родители и дети: конфликт или союз? — М.: Ника, 2009. — С. 27.
5. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. — СПб: Питер, 1999. — С. 12.
6. Пенн М. Дж., Залесн К. Э. Микротенденции: маленькие изменения, приводящие к большим переменам. — М.: АСТ, 2009. — С. 174–179.
7. Тоффлер А. Футурошок. — СПб, 1997.
8. Хагуров Т.А. Утрата стыда как конец социального // Воспитательная работа в школе. — 2011. — №2. — С. 7–10.
9. Хагуров Т.А., Остапенко А.А., Резник А.П., Войнова Е.А., Позднякова М.Е., Щипкова А.А., Рыбакова Л.Н., Хагурова Н.Е. Риски взросления в современной России: концепции и факты. — М.: ИС РАН; Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Парабеллум, 2014.
10. Чуа Эми. Боевой гимн матери-тигрицы. — М.: АСТ, CORPUS, 2013. — С. 14.
11. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. — М.: Академический проект, Гаудеамус, 2007. — С. 276–277.
12. Эриксон Э. Детство и общество. — СПб: Летний сад, 2000.